

УДК 008 (091)

UDC 008 (091)

**ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ
САМОИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

**THE PHENOMENON OF CULTURAL SELF-
IDENTITY IN A HISTORICAL CONTEXT**

Пекарская Ирина Юрьевна
аспирант
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Pekarskaya Irina Yurievna
postgraduate student
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

В статье рассматривается формирование и развитие культурной самоидентичности под влиянием культурно-исторической динамики. Пристальное внимание уделяется описанию непрерывности формирования компонентов самоидентификации на фоне изменения восприятия времени

The article deals with the issues of formation and development of cultural self-identity under the influence of the cultural and historical dynamics. Careful attention is paid to the description of continuous formation of the elements of self-identity on the back of the changing time perception

Ключевые слова: САМОИДЕНТИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИЧНОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, САМОСТЬ, ВНУТРЕННИЙ МИР, ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Keywords: SELF-IDENTITY, CULTURAL SELF-IDENTITY, HUMAN POTENTIAL, SELF-IDENTIFICATION, SELFHOOD, INNER WORLD, HISTORICAL CONTEXT

Историческая многоплановость становления и развития культурной самоидентичности целесообразно определяет актуальность обращения к темпоральному контексту социокультурного анализа. Поскольку главной движущей силой становления самоидентичности является *желание содержательно соизмерить внутренние и внешние структуры личностного бытия в условиях воспроизводящегося и множащегося разнообразия*, постольку проблема самоидентификации тесным образом связана с процессом индивидуации – выделения индивида из общины, индивидуализации сознания – являющейся объективной тенденцией исторического развития. Указанным обстоятельством продиктованы постановка цели (осмысление влияния культурно-исторической динамики на процессы формирования и развития культурной самоидентичности), определение объекта (изменяющиеся характеристики индивидуального и коллективного бытия под воздействием культурно-исторической динамики) и предмета (формирование конструкторов культурной самоидентичности) исследования.

Погружение в историческую ретроспективу демонстрирует изначальную тесную связь и зависимость социальной единицы от социального целого. Начала рефлексии исторической динамики культурной самоидентичности зиждутся на первобытной «ещё-невыделенности», характеризующейся преобладанием «мы», слабой интегрированностью компонентов самости, неразвитостью качеств и потребностей, не совпадающих с потребностями коллектива (И.С. Кон, Ю. Линден, Ю. Лотман, В.А. Никонов, Б.Ф. Поршнев, Б.А.Успенский). «Ещё Гиппократ показывал, что скифы имеют этнический тип и не имеют личных, а Гумбольдт отмечал, что у варваров можно скорее найти черты, свойственные орде (группе¹), нежели индивиду» [2, с.141].

Отмеченное Л.И. Мечниковым точное повторение действий, унаследованных от предков, постепенное уяснение полезности общественно-необходимых работ и добровольное их выполнение характерно для поведенческих схем примитивных людей [9]. Мир повседневности индивида, во всём и пока ещё всецело зависящего от группы, характеризуется множеством сложных обычаев и ритуалов, интерпретирующих картину мира в целях самосохранения группы. Существование упорядоченной временной детерминации и групповой, и индивидуальной жизни свидетельствует о понимании жизни как циклического процесса.

Характерная для первобытного общества устная традиция ограничивает историческую ретроспективу, поскольку рефлексия прошлого возможна на основе передачи информации из поколения в поколение. Закрепление опыта (как деятельностного, трудового, так и коммуникативного) в вещественных формах обогащает культурный контекст социально-экономического развития, которое, в свою очередь, расширяет пути приобщения индивида к культурному разнообразию.

¹ Прим. автора

Появление письменности, позволившее «самости» передавать длительность персонального бытия, подарило человечеству возможность самопознания, саморефлексии, самоидентификации.

В обществе доиндустриального типа субкультурный континуум простирается от народного (в том числе городского) до религиозного (христианского, мусульманского, буддийского и др.) и светски-аристократического альтернатив, в каждом из которых этнокультурная специфика отразилась в большей (народная культура) или меньшей (христианская культура) степени. Социальная и культурная определённость традиционного общества, цикличность бытия не предлагали индивиду широких возможностей для самоопределения и самореализации, хотя уже в эпоху античности философия, литература, искусство разделяли персональное и социальное, а для поздних этапов характерно признание необходимости уважать личную автономию индивида. Индивидуальные жизненные планы социально определялись и социально контролировались, формируя пассивное отношение конкретного человека к «проживанию» собственной судьбы. Внутренний мир индивида являлся частью замкнутого круга идентичности рода, характер же определялся божественным архетипом: воин отмечен Аресом, восплававший любовью – Афродитой, практически мыслящий – Афиной, властный и царственный – Зевсом. В этом случае имеет место не столько собственно идентичность индивида, сколько идентичность повторения, имитации архетипа. «Любой предмет и любое действие становятся реальными только тогда, когда они имитируют или повторяют некий архетип. Итак, реальность приобретает исключительно путём повторения или участия» [14, с. 56-57].

Возникновение индивидуальной соотнесённости со всеобщим временем характеризуется осознанной отделённостью жизненного цикла индивида от жизненного цикла поколений, стремлением не просто понять,

но и спроектировать персональный жизненный путь. Проблема идентификации/самоидентификации индивида возникает и становится актуальной в моменты выхода из так называемой «зоны комфорта», в рамках которой индивид существует в условиях знакомо возвращающегося, а потому узнаваемого и воспринимаемого нерушимым, циклического времени. Именно переход к историческому – линейному – времени, когда человек оказывается перед лицом неопределённости, требует мобилизации всех потенций, присущих субъекту истории. Идеологический переход к историзму был оформлен на рубеже XVIII – XIX вв. Г. Гегелем, признавшим уникальность и неповторимость исторического процесса, открытого прошлому и будущему.

Каждая новая страница в социально-экономическом развитии общества количественно и качественно изменяет территориальную и социально-культурную зональность функционирования носителей самоидентификационных признаков. Всякая социально-культурная общность, с которой ассоциируется культурная самоидентичность, связана с территориально ограниченным физическим пространством [5].

Пространственно-временная детерминация жизнедеятельности индивида (группы) традиционного общества с течением времени сменяется ослаблением зависимости социокультурного опыта от локального места. Слабо выраженная сегментированность социального пространства доиндустриального периода обуславливала редкие связи и слабую информированность друг о друге индивидов, проживающих в разных местах, ограничивая тем самым возможности для сравнения.

Эпохой Возрождения ознаменовано изменением отношения к личному времени и пространству: распоряжение временем по своему усмотрению позволяет личности самосовершенствоваться, чему способствует появление частных помещений – персональных кабинетов, одиночных келий и т.п. Множащееся разнообразие социальных

проявлений индивида актуализировало поиск универсальных возможностей поддержки личного «Я», которыми стали малые группы, образуемые по личному желанию их членов, исходя из взаимных интересов без учёта влияния социально-экономического доминирования. Именно в таких малых группах формировались основы организационной культуры как культуры функционирующих сообществ, имеющих групповые символы, образцы и правила деятельности, систему моральных принципов: «<...> там, где нет малых коллективов, там нет и большой культуры» [8, с. 134].

XVIII век ставит перед индивидом проблему определения персонального места в социокультурной среде, необходимости соответствовать и способности выражать при помощи символов принадлежность к конкретному социальному, культурному, политическому сообществу. К моменту основательного вхождения техники в мир повседневности человека (XIX век) время становится экономической ценностью, позиционируемой как метрическая основа производственного процесса. Время, имеющее отныне экономическое измерение, способствует расширению и углублению процессов отчуждения «человека производящего» от результатов его труда [11].

Демократизация и технологизация научного знания, повсеместно вторгающегося в размеренность бытия, приводит к формированию иного восприятия времени, изменившего свой ритм и темп, и подразделяющегося, равно как и пространство, на рабочее и частное (личное). Мир повседневности человека индустриального общества заключён в больших городах и больших организациях; ускоряющийся темп жизни сужает восприятие горизонтов прошлого и будущего, сводя все процессы (в том числе социальные и культурные) к необходимости определения эффективности. Понятиями, определяющими культурные и жизненные процессы, становятся аккумуляция и циркулирование

возможностей и использование последних в форме ресурсов в любой желаемый момент времени [4].

Расширение социокультурного пространства, возникновение и развитие инструментов распространения опосредованного опыта (средств массовой коммуникации) способствовало расширению границ внутреннего мира как отображения безграничности мира внешнего. Усложнение социальных, культурных, политических, экономических и проч. связей и систем ставит человека в условия непрекращающегося процесса самоидентификации как способа сохранения целостности во множащемся пространственно-временном разнообразии.

Историческая динамика социальных систем демонстрирует тенденцию перехода от традиционных отношений к расширению свободы человека в определении социальных связей, построенных ради межчеловеческого общения как такового (pure relations [20, p. 212]). Малоподвижные и жёстко регламентируемые абстрактные связи сменяются разнообразными конкретными отношениями, характеризующимися отсутствием зависимости от любого вида принуждений, зависимостей, привязанностей. Так, в эпоху патриархальности брак по сути своей являлся контрактом, заключаемым старшими родственниками (чаще всего родителями) в отношении вступающих в брак, преследующими экономические или социальные интересы, в том числе – продолжение рода. Современное общество расширяет спектр оснований для заключения брака от «холодного расчёта» до романтической любви, не налагающей на партнёров каких бы то ни было обязательств.

Усложняющиеся социальные связи диктуют необходимость развития самоконтроля, самовоспитания, осознанной ответственности за взаимодействие с членами социума на основе толерантности и уважения прав и свобод другого, что, по существу, актуализирует формирование

самоидентичности. Смещение контролирующих доминант с внешних (принуждение – физическое, психологическое, социальное – или следование образцам) на внутренние (обязательства и персональная ответственность) вынуждает индивида выбирать между *Я-заимствованным*, а потому легко формирующимся, и *Я-самоприобретаемым (самоформируемым)*, требующим усилий по трансформации внутреннего мира сообразно множасьимся изменениям мира внешнего.

Соотношение личной и социальной сфер бытия – ещё один существенный аспект, позволяющий описать особенности феномена самоидентификации. Миру «малогрупповой» повседневности доиндустриального общества присуще отсутствие частной жизни как таковой: личностные и поведенческие характеристики индивида практически полностью соответствовали коллективным ожиданиям. Новое время продемонстрировало стремление к обособленности «Я», скрытости частной жизни стало активно развиваться на фоне роста социальных групп, в том числе, распространения бюрократического аппарата. Социальное выделение приватности способствовало сохранению привычного жизненного уклада, «среди своих». *Самоидентичность стала формироваться как способ разрешения дихотомии частное – общественное, приватное – публичное, официальное – неофициальное.* Разделение жизни на общественную и эмоционально-частную сферы потребовало от индивида различных типов поведения, зависящих от сферы функционирования и исполняемых социальных ролей.

Явление элементов самоидентичности обязано, в первую очередь, становлению государства и бюрократии. При обращении в официальные структуры человек должен был представиться: назвать имя, указать возраст и особые приметы. Так, имена в Древней Греции связывались с обстоятельствами жизни индивида, его характерными особенностями и

зачастую, по сути своей, были прозвищами: Фемистокл – славный справедливостью, Софокл – славный, Платон – имеющий сильную широкую грудь (по другой версии – высоколобый).

С XIII века трансформируется практика присвоения имени как знака социального статуса, а именно принадлежности к конкретному роду (семье). Носителями имени семьи (фамилии) чаще всего становились мужчины, женщинам приходилось менять фамилию с замужеством, что, в свою очередь, свидетельствовало об изменении статуса.

Динамика проблемы индивидуального знания и самореализации весьма наглядно просматривается на примере изменения отношения к биографии и автобиографии: от жизнеописаний святых в средневековье до описания собственных переживаний, начавшихся XVIII веке. Отсутствие проблем, связанных с кризисами идентичности, у жителей средневековой Европы объясняется жёсткой социальной стратификацией и крайне низкой социальной мобильностью: тот или иной вариант идентичности индивид получал в момент рождения по факту принадлежности к конкретной социальной и культурной группе [17]. Строго определённая социальная иерархия утверждала семейные отношения и положение в обществе при рождении на протяжении многих столетий. Индивидуализация биографии прочно вошла в социальную жизнь в XX веке, когда персональный жизненный путь становится биографическим проектом с ранних лет.

Отношение к внешнему облику, физическому телу как неотъемлемая часть формирования самости в историческом русле трансформировалось от преобладания стандартности и традиционности в доиндустриальном обществе до вариативности, многоплановости, индивидуальности сегодняшнего дня. Со вступлением человечества в эпоху индустриальности и особенно постиндустриальности усиливается интерес к внешнему виду как свидетельству состояния тела и здоровья, одежда демонстрирует свидетельства индивидуальности, а не выражает сословную

принадлежность [11]. Формирование культуры «свободного тела» порождает новые проблемы, связанные с культурной идентификацией как индивида, так и социальных групп: биологической и экологической самоорганизацией и самоконтролем, телесной открытостью и рефлексией.

Историческое развитие и усложнение системы общественного разделения труда, всё более множасьщееся социальное многообразие способствовали разграничению всеобщих и профессиональных знаний. Непосредственное освоение умений по образцам действий происходит легче и эффективнее, чем так называемое освоение «с листа»: опосредованность приобретения знаний требует значительно больших интеллектуальных затрат рефлексирующего субъекта, способности самостоятельно осваивать незнакомые формы деятельности и общения. Формирование и умножение процессов трансляции опосредованного опыта в конечном итоге привело к становлению институтов массового образования, расширяющим, в свою очередь, возможности развития внутреннего мира. Углубление специализации, профессионализация знания порождают субъективную зависимость от экспертного мнения и, как следствие, – неуверенность в эффективности личного опыта, в способности влиять на ситуацию, а значит – к рефлексии проблем идентичности/самоидентичности.

Отмеченное эпохой Просвещения всё более умножающееся разнообразие культурных традиций сопровождалось сменой абсолютных до той поры ценностей всеобщим сомнением. На сомнение как на методологический инструмент повседневности опираются представители самых широких кругов населения, но не только просвещённая элита. Интеллектуальное самопознание приобретает новые формы, о чём свидетельствуют появление системы национального языка и энциклопедии как нового вида литературы. Главным персонажем литературы широких слоёв населения становится народный герой, мужественно

противодействующий антагонистическим социальным агентам и деятельно преобразующий окружающую действительность.

Интересна ретроспектива теоретической рефлексии проблемы «само»: самопознания, самореализации, индивидуализации. Изначальные попытки описать особенности познания индивидом собственных возможностей относят к Новому времени, собственно же начала теоретизации взглядов на процессы формирования самосознания приходятся на критику детерминизма и признание вероятности знания. Детерминизм отвергается как возможное обоснование для определения природы межличностного взаимодействия и смысла человеческой деятельности (И.Кант, Г.Лейбниц, Д.Юм). По Канту, невозможно понять «чистое само» непосредственно и окончательно, а лишь в действиях как единое и созидающееся, но не данное автоматически[3]. Тем самым было признано, что человеческий потенциал не может быть однозначно определён и гарантирован, он создаётся деятельно в различных сферах бытия. *Теоретическая рефлексия идентичности как социальной, культурной, политической, экономической проблемы впервые порождает необходимость описания феномена самоидентичности.*

Эпоха романтизма расширила культивацию «само» до раскрытия внутренних потенций индивида и их воплощения как концепции персональной судьбы на фоне развивающегося конфликта индивида с обществом, когда социальные законы противоречат возможностям личного самовыражения. Рождаются новые модели выражения «само», среди которых можно выделить *модель интеллектуального равенства женщин с мужчинами* (в романтической любви женщина воспринимается равной партнёру), *модель детства* (интерес к ребёнку как самостоятельно развивающемуся существу [7], на которого распространяется проблема соответствия индивида месту и способностям).

В последней трети XIX века появляются концептуальные основания для исследования *модели юношества* как особого периода в формировании самоидентичности – значимого развития самости, переходящей во взрослую жизнь [19]. Именно юношество знаменуется выбором жизненного пути, первоначальным планированием карьеры на фоне относительного завершения формирования ценностного ядра индивида. Проблема выбора (друзей, профессии, супруга) отныне тесно связывается с формированием жизненных сценариев и перспектив, предъявляя новое требование к личности – «выбор характера» [18, 21].

Наряду с семьёй, изменившей экономическую значимость, но как первичной социально-культурной средой формирования личности, задачу поддержки юношества выполняют социальные институты: школы, учреждения профессионального образования, общественные организации. Универсализация школьного образования постепенно сглаживает профессиональную дифференциацию сначала для юношей, затем и для девушек². Общество начинает демонстрировать заботу о молодежи самых широких слоёв населения.

Одновременно оформляется и углубляется конфликт отцов и детей, который не сразу осознаётся представителями научной и культурной элиты как явление системное, отражающее утрату объективной возможности открыто влиять на молодёжь: «<...> смутил следующий факт: ни в одном произведении нашей литературы я даже намека не встречал на то, что мне чудилось повсюду» [10, с. 392]. Расширению конфликтных проявлений способствует и культурное сопровождение модели детства, изолирующее, по сути, детский мир от мира взрослых: избирательность подачи адаптированной для детей информации,

² Так, например, до 1830 г. американские колледжи не принимали девушек. До 1920 г. Оксфорд выдавал разные дипломы для юношей и девушек.

распространение массовой печатной детской литературы, универсализация учебно-воспитательного процесса и т.п.

«Само», включающее индивидуальные особенности, интенции, мотивы, варианты выбора ценностей и самореализационных сценариев, характеризуется неповторимой совокупностью конкретных личностных характеристик, не всегда очевидные и однозначно определяемые в каждый конкретный момент времени. Концепция «само», неповторимого и многокомпонентного, относительно стабильного и непрерывного согласно современному пониманию, получила своё развитие под влиянием концепции идентичности.

На рубеже XIX – XX веков формируются научные подходы к описанию и анализу идентификации. Общим направлением философии после Г.Гегеля стало понимание жизни во всём многообразии её форм: биологических, психологических (в том числе персонологических), социальных – переплетённых всеобщей историчностью и характеризующихся неопределённостью. Сложность самопознания прослеживается в философски-антропологической проблематике многих гуманитарных направлений: феноменологии, прагматизме, персонализме, фрейдизме, экзистенциализме, психологии личности и т.д. (представители: А. Бергсон, А.Н. Бердяев, Ф. Brentano, Э. Гуссерль, У. Джеймс, З. Фрейд, Л.П. Карсавин, и другие). Научный мир активно оперирует понятиями «бессознательного» и «эго», обсуждает концепции «Я», детства и юношества, размышляя о политике завоевания свободы и уникальности жизненного пути.

Тема уникальности человеческого бытия, тема само/идентичности, овладевая обыденным сознанием, постепенно перестаёт быть предметом исключительно научной рефлексии: «Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между я и ты» [11, с 190].

Предметом персонального осмысления и общественных обсуждений становятся морально-экзистенциальные проблемы, проявляющиеся на разных уровнях мира повседневности, а самость как самое свободное творение из всего сущего характеризуется категориями абстрактного и конкретного.

Идеи свободы духа, помноженные на романтическое мировоззрение, вкуче с гегелевской диалектикой «всеобщего, особенного и единичного», получили своё развитие в русле философии марксизма как политика завоевания свободы. Освобождение от классового (социального) гнёта, сопровождаемое общим гуманитарным освобождением (культурным, политическим, расовым) воплотится в XX веке в движение шестидесятников, провозгласивших своим лозунгом борьбу за социальный прогресс и информационную свободу – свободу мысли, идеи, в конечном счёте – свободу самоидентификации. XX век проявит себя и такими противоречивыми социально-культурными феноменами, как движения в защиту возможности индивида самостоятельно определять желаемые национально- и культурноидентификационные процессы, в поддержку феминизации и свободы сексуального выбора. Феминизм рассматривается как проявление борьбы за обретение индивидуального «Я», борьбы против принуждения, против социальных и биологических различий. «Понятие различия не содержит в себе ничего онтологического. Это такой способ, которым хозяева интерпретируют историческую ситуацию господства. Функция различия – замаскировать на всех уровнях конфликт интересов, включая идеологические» [6, с. 431].

Психология рубежа XX века (А. Бине, П. Жане, Й. Брейер, З. Фрейд), рассматривая человеческое существо как совокупность физического и психического, простирает последнее (психическое «Я») за пределы ограниченности индивидуального сознания. В силу указанных обстоятельств, всегда остаётся некоторая невыявленность потенциалов

индивидуальности, порождающая частичную неосуществлённость возможных физических проявлений. К середине XX века широкое распространение получают понятия «идентичности» и «кризиса идентичности», актуализируя феномен самоидентичности. «Вступая в общество, нам приходится отречься от трех четвертей своего Я, чтобы сравниться с другими» [13, с. 88].

Теоретическая рефлексия проблем влияния индивидуализации на само/идентификацию (Г.Горфинкель, Э.Гоффман, Ю. Лотман) отмечает новые проявления приобретения индивидом опыта отчуждения, одиночества и потери контроля над обстоятельствами собственной жизни в связи с изменяющимся социально-экономическим развитием, сопровождающимся экономическими кризисы и безработицей, локальными войнами и вмешательством властных структур в частное жизненное пространство. Расширяющаяся урбанизация населения усиливает зависимость индивидуальных проявлений от воли общества, а под воздействием ускоряющегося научно-технического прогресса человек превращается в легко заменяемую часть сложного механизма. «Век естественных наук и техники, колоссальной концентрации власти всё больше и больше открывает обратную сторону – века боязни» [12, с.14].

Массовая культура и общество потребления, расширяя материальные, финансовые возможности и профессиональные горизонты, всё более переводя процессы самоидентификации в плоскость выбора материальных форм, образовательных направлений и культурных развлечений, осложняет поддержание внутренней согласованности и устойчивости образа «Я». Процессы культурной самоидентификации широких социальных слоёв отражают тенденцию упрощения культуры с целью построения «своего» унифицированного мира, своей неотчуждаемой культуры, противопоставляемой «чужой» элитарности.

«Модернизация и рост цивилизованности вызывают становление новых всё более изощрённых форм социального контроля»[1, с. 238]. Так, с детского возраста поощряется саморегулирование и самоконтроль, воздержание от проявлений инфантильности; как форма воспитания распространяется культура семейного договора, заключаемого между родителями и детьми. Интересно одновременное функционирование политики «неучастия» молодёжи во «взрослой жизни» за счёт создания молодёжных организаций различной субкультурной и социальной направленности. Такие группы выполняют воспитательные и контрольные функции, сходные с родовыми, преодолевающими тенденции индивидуализации.

Последние десятилетия XX века характеризуются изменением социально-экономических, научно-технических, культурных и политических основ общественной жизни, приведшем к развитию «информационной экономики». Техничко-технологическая модернизация, охватившая средства и процессы хранения и передачи информации и проникшая в жизненный мир повседневности, способствовала глобализации человеческой жизнедеятельности. Процессы глобализации и информатизации мирового пространства, с одной стороны, через осознание персональной сопричастности к глобальным проблемам облегчают изменение программ самореализации, достижение ощущения полной независимости и творческой раскрепощённости; с другой – углубляют процессы отчуждения на фоне противопоставления цельности «жизненного мира» его одновременной фрагментации (Э.Гуссерль, Л.Ландгребе, Н.Луман, Ю.Хабермас).

В заключение отметим, что *рефлексия культурной самоидентичности рождается и развивается в контексте социокультурной динамики благодаря, с одной стороны, деятельной непрерывности феномена, с другой – его противоречивости на*

теоретическом и обыденном уровнях сознания. Модернизация, войдя в мир жизненной повседневности, распространяет всюду дух конкуренции и постоянной необходимости выбора места, времени, образа мысли и деятельности, формирования социальных контактов. В этой связи актуализируется проблема созидания и сохранения самоидентичности как ядра индивидуальности и построения модели поведения, адекватной внутреннему миру и сообразной внешним условиям. Особую актуальность проблема определения самоидентичности приобретает в условиях культурного постмодерна, проповедующего новое понимание разнообразия – его бесконечность во всех проявлениях высокого и бытийственного.

Список литературы

1. Гуревич А. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 431 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX – начало XX веков. – М.: Канон, 1996. – С. 256-309
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч. 6-ти томах. Т. 6. – М., 1966. – С. 350–588.
4. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
5. Кон И. С. В поисках себя. Личность и её самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 225 с.
6. Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. – М.: Олимп, 1998. 496 с.
7. Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 270 с.
8. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб: Искусство, 1997. – 399 с.
9. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. – М.: Пангея, 1995. – 461с.
10. Тургенев И. С. По поводу отцов и детей. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6 М.: Правда, 1968. – С. 392-402.
11. Фейербах Л. Сочинения в 2х т. . Т.1. М.: Наука, 1995. – 502 с.
12. Хюбшер А. Мыслители нашего времени. Справочник по философии Запада XX века (62 портрета). Общ. ред. А.Ф.Лосева (воспроизведение издания 1962 года). – М.: ЦТР МГП ВОС, 1994г. – 312 с.
13. Шопенгауэр А.: Цит по *Бахтин М. М.* как философ. / Аверинцев С.С., Давыдов Ю.Н., Турбин В.Н. и др. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
14. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алтейя, 1998г. – 258 с.

15. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.
16. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.
17. Baumeister, R. F. and Muraven, M. Identity as adaptation to social, cultural, and historical context. *Journal of Adolescence*, 19, 1996, 405 – 416.
18. Demos, J. and Demos, V. Adolescence in historical perspective. *Journal of Marriage and the Family*, 31, 1969, 632–638.
19. Erikson E. *Identity. Youth and Crisis*. N. Y.: Norton, 1968. 320 pages.
20. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford University Press, 1991. 264 pages.
21. Kett J.F. *Rites of passage: Adolescence in America 1790 to the present*. N. Y. New York: Basic Books, 1977. 327 pages

References:

1. Gurevich A. *Istoricheskij sintez i Shkola «Annalov»*. – М.: Centr gumanitarnyx iniciativ, 2014. – 431 s.
2. Dyurkgejm E'. *O razdelenii obshhestvennogo truda // Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX – nachalo XX vekov*. – М.: Kanon, 1996. – S. 256-309
3. Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Kant I. Soch. 6-ti tomax. T. 6*. – М., 1966. – S. 350–588.
4. Kozlovski P. *Kul'tura postmoderna*. – М.: Respublika, 1997. – 240 s.
5. Kon I. S. *V poiskax sebya. Lichnost' i eyo samosoznanie*. – М.: Politizdat, 1984. – 225 s.
6. Kon I. S. *Lunnyj svet na zare. Liki i maski odnopoloj lyubvi*. – М.: Olimp, 1998. 496 s.
7. Kon I. S. *Rebenok i obshhestvo: Istoriko-e'tnograficheskaya perspektiva*. – М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1988. – 270 s.
8. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. – SPb: Iskusstvo, 1997. – 399 s.
9. Mechnikov L.I. *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki*. – М.: Pangeya, 1995. – 461s.
10. Turgenev I. S. *Po povodu otcov i detej. Sobranie sochinenij v 6-ti tomax. T. 6* М.: Pravda, 1968. – S. 392-402.
11. Fejerbax L. *Sochineniya v 2x t. . T.1*. М.: Nauka, 1995. – 502 s.
12. Xyubsher A. *Mysliteli nashego vremeni. Spravochnik po filosofii Zapada XX veka (62 portreta)*. Obshh. red. A.F.Loseva (vosproizvedenie izdaniya 1962 goda). – М.: CTR MGP VOS, 1994g. – 312 s.
13. Shopengaue'r A.: *Cit po Baxtin M. M. kak filosof. / Averincev S.S., Davydov Yu.N., Turbin V.N. i dr.* – М.: Nauka, 1992. – 256 s.
14. E'liade M. *Mif o vechnom vozvrashhenii*. SPb.: Altejya, 1998g. – 258 s.
15. E'lias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psixogeneticheskie issledovaniya. Tom 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranax Zapada*. М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – 332 s.
16. E'lias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psixogeneticheskie issledovaniya. Tom 2. Izmeneniya v obshhestve. Proekt teorii civilizacii*. М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. – 382 s.
17. Baumeister, R. F. and Muraven, M. Identity as adaptation to social, cultural, and historical context. *Journal of Adolescence*, 19, 1996 405 – 416.
18. Demos, J. and Demos, V. Adolescence in historical perspective. *Journal of Marriage and the Family*, 31, 1969, 632–638.
19. Erikson E. *Identity. Youth and Crisis*. N. Y.: Norton, 1968. 320 pages.

20. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford University Press, 1991. 264 pages.
21. Kett J.F. *Rites of passage: Adolescence in America 1790 to the present*. N. Y. New York: Basic Books, 1977. 327 pages